

СТОЛОВАЯ

ВЕЛИКАЯ ТОРГОВАЯ

ВЕЛИКАЯ ТОРГОВАЯ

Moscow
St. Petersburg
Mosc

Купцы
Гулящие

Музейон

Н.Т. Ашимбаева, Б.Н. Тихомиров

Музей в контексте времени

*Литературно-мемориальному
Музею Ф.М. Достоевского
в Санкт-Петербурге – 40 лет*

Среди многочисленных петербургских адресов Достоевского особое место занимает дом № 5/2 на углу Кузнечного переулка и улицы Достоевского (до 1871 г. – Гребецкой, до 1915 г. – Ямской). Достоевские поселились здесь, в приходе церкви Владимирской иконы Божией Матери, 5 октября 1878 г. Это был последний адрес писателя. В квартире № 10 на втором этаже он прожил последние два года, три месяца и двадцать четыре дня своей жизни, оборвавшейся 28 января (9 февраля по новому стилю) 1881 года. Здесь была написана большая часть великого романа «Братья Карамазовы».

Переезду Достоевских в новую квартиру предшествовало трагическое событие. 16 мая от припадка эпилепсии умер их младший сын Алеша, которому не исполнилось еще и трех лет. Родители были безутешны. Похоронив ребенка на Георгиевском Большеохтинском кладбище, Достоевские через

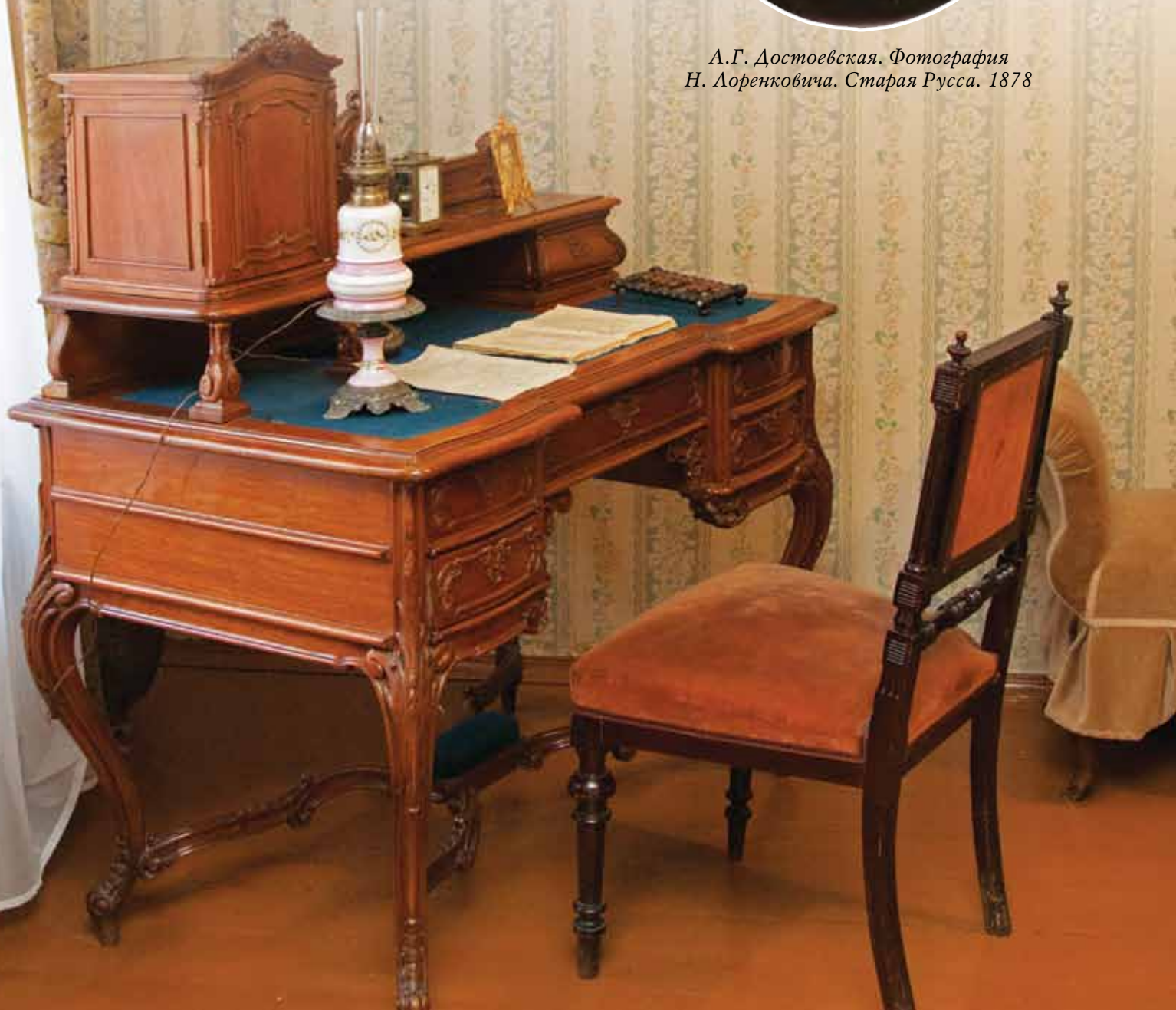
неделю уехали в Старую Руссу, там у них был свой дом и там они проводили летние месяцы. «Вернувшись осенью в Петербург, – пишет в своих мемуарах Анна Григорьевна Достоевская, – мы не решились остаться на квартире, где все было полно воспоминаниями о нашем умершем мальчике». Два дня по возвращении семья прожила в меблированных номерах. За это время была подыскана новая квартира. Выбор пал на дом вдовы купца 2-й гильдии Розалии-Анны Густавовны Клинокострем в Кузнечном переулке.

«Квартира наша состояла из шести комнат, громадной кладовой для книг, передней и кухни и находилась во втором этаже», – вспоминает Анна Григорьевна. «Громадная кладовая для книг» упомянута женой писателя не случайно. С 1873 г. Анна Григорьевна и Федор Михайлович – небывалое в писательской среде дело – начали сами издавать произведения Достоевского: сначала «Бесов», потом «Идиота»,

*Мемориальная квартира.
Комната Анны Григорьевны*

*А.Г. Достоевская. Фотография
Н. Лоренковича. Старая Русса. 1878*

«Записки из Мертвого дома», «Дневник писателя», «Преступление и наказание». Позднее, уже во время жизни на Кузнецком, – «Униженных и оскорбленных» и «Братьев Карамазовых». А в 1880 г. открыли «Книжную торговлю для иногородних». Промысловое свидетельство на мелочной торг было выписано на имя Достоевского, хотя, конечно же, и издательскими, и торговыми делами занималась Анна Григорьевна.

На жене писателя лежали все заботы по ведению домашнего хозяйства. Естественно, у Достоевских была прислуга. На кухне всем заправляла кухарка Матрена, уборку в комнатах, глажку белья и прочее осуществляла горничная Дуня. Дрова приносил дворник Трофим Скрипин. Для помощи по книжной торговле в конце 1879 г. из магазина Я.А. Исакова был взят на работу шестнадцатилетний мальчик Петр Кузнецов. Но общее управление всем течением семейной жизни, конечно же, держала в своих руках Анна Григорьевна.

В ее ведении был домашний бюджет, она запасала провизию, делала хозяйственные покупки, занималась воспитанием детей...

В первом браке с Марией Дмитриевной Исаевой (урожденной Констант), умершей в 1864 г., у Достоевского не было детей. Пасынок Павел Исаев в конце 1870-х был уже взрослым человеком, имел свою семью и жил отдельно. Анна Григорьевна (в девичестве Сниткина) была второй женой писателя. Ко времени переезда в дом на Кузнецком они прожили с Достоевским без малого двенадцать лет. Несмотря на большую разницу в возрасте супругов (в день свадьбы, в феврале 1867 г., невесте было двадцать лет, жениху – сорок пять), этот брак был весьма счастливым. И после смерти писателя Анна Григорьевна хранила верность памяти мужа, всю свою жизнь посвятив изданию его произведений, сохранению архива, созданию музея, написанию воспоминаний, а на многочисленные вопросы, почему она, еще не пожилая жен-

Ф.М. Достоевский. Фотография Н. Досса. С дарственной надписью А.Г. Достоевской. Петербург. 1876. Предметы из мемориальной экспозиции: чернильница А.Г. Достоевской, подсвечник, копии документов

щина, оставшаяся вдовой всего в 34 года, не выходит вновь замуж, отшучивалась: «Да за кого можно идти после Достоевского? Разве за Толстого...»

В этом браке у супругов родилось четверо детей. Но их первенец Соня умерла в 1868 г. в младенческом возрасте в Женеве. Через десять лет, как уже было сказано, супруги лишились трехлетнего Алеши. Оставшиеся дети – это дочь Любовь (домашнее имя Лиля), которой в сентябре 1878 г. исполнилось девять лет, и сын Федор, двумя годами младше сестры (отец называл его Фе-

◀ Предметы из мемориальной экспозиции: французская «говорящая» книга и записки сына Феди Ф.М. Достоевскому

дульчик). Уже после смерти Достоевского Люба будет отдана учиться в Литейную гимназию, Федя – в гимназию Я. Гуревича. Но при жизни писателя родители занимались воспитанием детей сами.

По воспоминаниям дочери писателя, Достоевский взялся за дело их воспитания «очень рано, тогда, когда большинство отцов еще оставляют своих детей в детской». «Возможно, – прибавляет она, – он знал, что болезнь его смертельна, и спешил поэтому посеять добрые семена. Для этой цели он выбрал то же средство, какое когда-то применил его отец – чтение вслух великих писателей». Достоевский читал детям стихи Пушкина, Лермонтова, Алексея Толстого, «Гараса Бульбу» Гого-

Люба и Федя Достоевские. Фотография Н. Лоренковича. Старая Русса. 1878

ля, позднее – произведения Диккенса и Вальтера Скотта. Когда старшая, Лиля, начала читать самостоятельно, отец подарил ей первую в ее жизни собственную книгу – «Живописный Карамзин, или Русская история в картинах». Детских книг в доме Достоевских не было. «Единственной книгой этого рода, которую я прочитала, – вспоминает Л.Ф. Достоевская, – была “Робинзон Крузо”, и подарила мне эту книгу мать».

В последнюю зиму перед смертью Достоевский не однажды читал детям фрагменты из комедии Грибоедова «Горе от ума». По свидетельству дочери, он особенно выделял тип Репетилова и не только выразительно прочитывал его монологи, но и пытался их разыгрывать как актер: «вставал, как бы упав, входя в комнату, жестикулировал и декламировал».

Достоевский чрезвычайно любил своих детей. Своему приятелю, критику Н.Н. Страхову, закоренелому холостяку, он говорил: «Ах, зачем вы не женаты и зачем у вас нет ребенка, многоуважаемый Николай Николаевич. Кля-

◀ Детская

*Любовь Достоевская, дочь писателя.
1886–1887*

нужь вам, что в этом $\frac{3}{4}$ счастья жизненного, а в остальном разве одна четверть». Поэтому и будучи загруженным творческой работой, напряженно трудясь над романом «Братья Карамазовы», часто выступая на благотворительных литературных вечерах, писатель неизменно находил время для общения с детьми, не только читал, но и играл с ними, постоянно спрашивая о их здоровье. Когда вскоре после смерти Алеша серьезно заболел Федя, Достоевский в отчаянии говорил: «Если Федя умрет, я застрелюсь...»

Совместное времяпрепровождение родителей и детей Достоевских выразительно представляет такая зарисовка в воспоминаниях дочери писателя. «В детстве я была очень нервной и часто плакала, — пишет она. — Чтобы развлечь меня, отец предлагал потанцевать с ним. Мебель в зале отодвигалась в сторону, мать брала в кавалеры сына, и мы танцевали кадрили. Так как некому было играть на рояле, мы все четверо напевали какой-нибудь ритуур-

нель. Мать хвалила своего мужа за ту точность, с которой он выполнял трудные па кадрили...»

В свои отношения с детьми писатель стремился внести все лучшее, что было памятно ему из его собственного детства. Когда вечером Лиля и Федя ложились спать, он всегда приходил в детскую прочесть с ними на сон грядущий молитву Богородице, ту самую, которой в раннем детстве научила его мать: «Все упование на Тебя возлагаю, Матерь Божия, сохрани мя под покровом Твоим».

У домохозяйки Р.Г. Клинокострем было шестеро детей, три сына и три дочери. Из девочек Луиза-Августа была лишь годом старше Любы Достоевской, Ольга-София чуть младше Феди. Но нам ничего неизвестно о каких-либо отношениях младших Достоевских с хозяйскими детьми. Другими их детских игр главным образом были дети знакомых их родителей. С сыном Софии Сергеевны Кашпиревой, маленьким Сережей, они устраивали театральные представления, изображая в лицах басни Крылова и инсценируя стихотворения русских поэтов. «Достоевский не пропускал ни одного нашего спектакля и одаривал юных артистов аплодисментами», — вспоминает дочь писателя. Бывал в гостях на Кузнечном со своими родителями и теткой ровесник Любы Достоевской Алеша Эйсснер — племянник Е.А. Штакеншнейдер, хозяйки

*Детская. Фрагмент
мемориальной экспозиции*

Игрушечная посуда. XIX в.

известного литературного салона, близкой приятельницы писателя. Однако после одного события он попросил свою мать, Ольгу Андреевну, больше не брать его с собой в этот дом. Вот как он сам рассказывает об этом: «Как-то, когда я опять был у Федя и Лили, Федя повел меня в одну из комнат, кажется в столовую, и там показал мне направо у окна на стене багетную рамку, где под стеклом была какая-то грамота. По моему росту она висела довольно высоко, и я не мог различить, что в ней было написано. “Ты знаешь, что это?” – сказал мне Федя. “Тут написано, что папу никогда больше не будут бить плетью – его помиловали”». «Мне стало так жутко, – продолжает Эйснер, – что я не знал, куда мне смотреть, куда мне деться». После этого случая Алеша избегал посещений дома на Кузнечном, предпочитая, чтобы Лилия и Федя приходили к нему на Знаменскую.

По-видимому, документом в багетной рамке, отозвавшимся такой жутью в сердце впечатлительного Алексея Эйснера, был Высочайший указ о возвращении в 1857 г. ссыльному Достоевскому прав потомственного дворянства, которых он по решению генерал-аудиториата был лишен одновременно с приговором к каторге за участие в социалистическом кружке Петрашевского. В словах восьмилетнего Федя Достоевского отразились подслушанные разговоры родителей о пребывании писателя в омском остроге. Сегодня известно твердо, что Достоевский не подвергался на каторге телесному наказанию, угроза которого, тем не менее, была для него вполне реальной. Но в фантазии ребенка, возбужденной малопонятными ему обрывками разговоров взрослых, картины каторжной жизни отца приняли искаженные и ужасающие формы. И с детской непосредственностью он раскрывает страшную «семейную тайну» своему товарищу.

Алексей Эйснер сообщает в своих мемуарах, что «тетя Леля» (Елена Андреевна Штакеншней-

дер) почти еженедельно бывала у Достоевских. Своего приемного дня, журфикса, наподобие «пятниц» у поэта Я.П. Полонского или «вторников» в салоне С.А. Толстой, в доме Достоевских, конечно же, не было: напряженная творческая работа над «Братьями Карамазовыми» и скромный семейный бюджет не располагали к проведению регулярных домашних приемов даже для ограниченного круга лиц. Но друзья и знакомые бывали в гостях у Достоевских довольно часто. Кроме упомянутой Е.А. Штакеншнейдер, квартиру на Кузнечном посещали известная общественная деятельница Анна Павловна Философова, основательница Общины сестер милосердия Святого Георгия филантропка графиня Елизавета Николаевна Гейден, философ Владимир Сергеевич Соловьев, издатель газеты «Новое время» Алексей Сергеевич Суворин, издательница детского журнала «Семейные вече-

Федя Достоевский, сын писателя. Фотография Н. Гольдберга. Москва. Конец 1870-х гг.

Уголок гостиной

ра» Софья Сергеевна Кашпирева, начинающий литератор Евгений Николаевич Опочинин. «Своими» в доме считались друг писателя еще с 1840-х годов поэт Аполлон Николаевич Майков, критик и философ Николай Николаевич Страхов. Есть сведения, что к Достоевскому заходили князь Владимир Петрович Мещерский, обер-прокурор Святейшего Синода (с апреля 1880) Константин Петрович Победоносцев, религиозный публицист Третий Иванович Филиппов, с которыми писатель сблизился в начале 1870-х гг., когда редактировал еженедельник князя Мещерского «Гражданин». Заходили и малознакомые или совсем незнакомые люди: студенты, курсистки, даже гимназисты.

Однажды в декабре 1880 г. высокопоставленный чиновник, столоначальник при императорском дворе С.И. Мережковский привел к Достоевскому своего пятнадцатилетнего сына – начинающего стихотворца. Вот как об этом спустя много лет вспоминал один из наиболее видных деятелей Серебряного века – известный поэт, прозаик, драматург, эссеист Дмитрий Сергеевич Мережковский, автор капитальной монографии «Лев Толстой и Достоевский».

Сообщив, что отец, познакомившись с писателем в салоне графини Софьи Андреевны Толстой, вдовы поэта, повез его к Достоевскому, Мережковский продолжает (путая Кузнечный переулок с соседней улицей): «Помню крошечную квартирку на Колокольной, с низенькими потолками тесной прихожей, заваленной экземплярами “Братьев Карамазовых”, и почти такой же тесный кабинет, где Федор Михайлович сидел за корректурами. Краснея, бледнея и заикаясь, я читал ему свои детские, жалкие стишонки. Он слушал молча, с нетерпеливою досадою. Мы ему, должно быть, помешали.

– Слабо, плохо, никуда не годится, – сказал он наконец. – Чтоб хорошо писать, страдать надо, страдать!

– Нет, пусть уж лучше не пишет, только не страдает! – возразил отец».

Любопытный штрих к этому рассказу добавляет в своих воспоминаниях писательница Л.И. Веселитская (выступавшая под псевдонимом Микулич):

«Недавно к нему родители привели юношу, – передает мемуаристка рассказ Е.А. Штакеншнейдер (со слов самого Достоевского) об этом же ви-

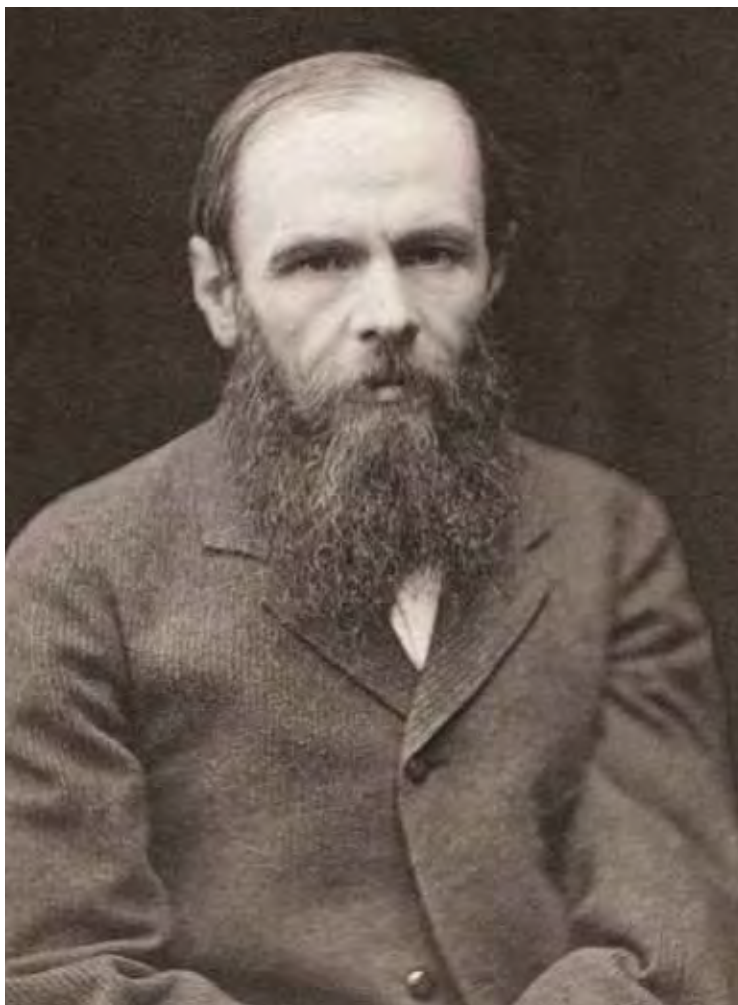
зите Мережковских, – пишет стихи и подает надежды. Спрашивают: “будет знаменит?” Федор Михайлович сказал: “пострадать надо”. Родители остались недовольны...»

Конечно же, такой вопрос применительно к литературному творчеству – «будет знаменит?» – для Достоевского был как красная тряпка для быка. И Мережковский в своих воспоминаниях не случайно о нем умалчивает. Он завершает краткий мемуарный очерк таким пассажем: «Помню прозрачный и пронзительный взор бледно-голубых глаз, когда Достоевский на прощание пожимал мне руку. Я его больше не видел и потом вскоре узнал, что он умер».

Если этот эпизод заслуживает нашего внимания только потому, что юный стихотворец, получивший суровую отповедь писателя, вскоре станет одной из знаковых фигур отечественной культурной жизни, то мемуарное свидетельство о визите к Достоевскому в дневнике А.С. Суворина (датированное 1887 г.) исполнено самого жгучего интереса.

«В день покушения Млодецкого на Лорис-Меликова¹ я сидел у Ф.М. Достоевского, – записывает Суворин спустя семь лет после события. – Он занимал бедную квартирку. Я застал его за круглым столиком его гостиной, набивающим папиросы. Лицо его походило на лицо человека, только что вышедшего из бани, с полка, где он парился. Оно как будто носило на себе печать пота. Я, вероятно, не мог скрыть своего удивления, потому что он, взглянув на меня и поздоровавшись, сказал: “А у меня только что прошел припадок. Я рад, очень рад”. И он продолжал набивать папиросы».

«...Разговор скоро перешел на политические преступления вообще и на взрыв в Зимнем дворце в особенности², – читаем в дневниковой записи. – Обсуждая это событие, Достоевский остановился на странном отношении общества к преступлениям этим. Общество как будто сочувствовало им или, ближе к истине, не знало хорошенько, как к ним относиться».

Ф.М. Достоевский. Фотография М. Панова.
Москва. 9 июня 1880

Неожиданно собеседник Суворина сказал: «Представьте себе, что мы с вами стоим у окон магазина Дациаро и смотрим картины. Около нас стоит человек, который притворяется, что смотрит. Он чего-то ждет и все оглядывается. Вдруг поспешно подходит к нему другой человек и говорит: “Сейчас Зимний дворец будет взорван. Я зavel машину”. Мы это слышим. Представьте себе, что мы это слышим, что люди эти так возбуждены, что не соразмеряют обстоятельств и своего голоса». «Как бы мы с вами поступили, – обращается Достоевский к Суворину. – Пошли ли бы мы в Зимний дворец предупредить о взрыве или обратились бы к полиции, к городовому, чтоб он арестовал этих людей? Вы пошли бы?»

¹ И.О. Млодецкий – террорист-одиночка, совершивший 20 февраля 1880 г. неудавшееся покушение на начальника Верховной распорядительной комиссии по охранению государственного порядка и общественного спокойствия М.Т. Лорис-Меликова.

² Имеется в виду взрыв в Зимнем дворце, осуществленный 5 февраля 1880 г. Степаном Халтуриним с целью покушения на жизнь императора Александра II. По чистой случайности российский самодержец, на которого шла охота террористов-народовольцев, от взрыва не пострадал. Но в караульном помещении погибли одиннадцать нижних чинов лейб-гвардии Финляндского полка: фельдфебель, унтер-офицер, два ефрейтора, горнист и шестеро рядовых (и еще несколько десятков были ранены).

16 Октября / 80 год. *Евстафию Савельевичу Федорову*
Константин Шатино. *CONSTANTIN CHATIKOFF*
Невский просп. *Рейде de Novsky*
у Казанскаго моста домъ №30. *au pont de Kasan maison №30.*
отъ Ф. М. Достоевскаго

Ф.М. Достоевский. Фотография К. Шатино. Петербург. 1879. С дарственной надписью Е.С. Федорову

– Нет, не пошел бы... – отвечает тот.

– И я бы не пошел, – вторит ему Достоевский. – Почему? Ведь это ужас. Это – преступление. Мы, может быть, могли бы предупредить. Я вот об этом думал до вашего прихода... Я перебрал все причины, которые заставляли бы меня это сделать. Причины основательные, солидные, и затем обдумал причины, которые мне не позволяли бы это сделать. Эти причины – прямо ничтожные. Просто – боязнь прослыть доносчиком... Разве это нормально? У нас все ненормально, оттого все это происходит, и никто не знает, как ему поступить не только в самых трудных обстоятельствах, но и в самых простых».

Удивительные вопросы! И удивительные признания! Ведь перед нами Достоевский, создатель антинигилистического романа «Бесы», который радикальная пресса как раз и заклеила как *донос* автора на молодое поколение революционеров, его *сотрудничество* с властью. Остается только пожалеть, что большинство гостей писателя в доме на Кузнечном не оставили, подобно А.С. Суворину, дневниковых или мемуарных записей о содержании их разговоров с Достоевским...

Кстати, существует свидетельство, что иногда, когда писатель уединялся со своими гостями в рабочем кабинете, его супруга негласно садилась у полурастворенных дверей и стенографировала беседу. Увы! После смерти Анны Григорьевны, в годы Гражданской войны эти записи вместе с частью творческого архива Достоевского безвозвратно пропали на юге России!

Естественно, совсем о других материях шла речь, когда гостями в доме на Кузнечном бывали близкие родственники. Увидеть Достоевского в подобных ситуациях позволяют воспоминания его племянницы Варвары Андреевны Савостьяновой, дочери младшего брата писателя – Андрея Михайловича. Вспоминая о визите к Достоевским 30 октября 1879 г., когда они с сестрой, Евгенией Андреевной Рыкачевой, пришли поздравить дядю с днем его рождения, она пишет:

*Личные вещи Ф.М. Достоевского:
портмоне, ручка с пером.
Роман «Братья Карамазовы».
СПб., 1881 (первое издание)*

«...Сестра в эту осень была за границей с мужем, были в Париже на выставке. Дядя заметил, что на ней была старая шляпа, и он стал ей пенять за это. “Как же это быть в Париже и не купить себе новой шляпы, ведь это непростительно”. Но вслед за тем он наговорил ей комплиментов насчет ее материнства – у нее уже было три ребенка, – говорил, какая красота и гордость для женщины иметь столько детей. “Ведь дорогу нужно давать таким матерям: пустите, пустите меня вперед, дайте дорогу, я – мать пятерых детей”».

О другом визите к дяде эта же мемуаристка рассказывает:

«Еще помню, как я была у него с мужем, которого он очень полюбил, обласкал, подарил свою фотографическую карточку, сам же ее подписал, и это тем более было трогательно, что с чужими он бывал и нелюбезен и нелюдим. Раз он был муж его племянницы, этого было достаточно, чтобы он полюбил его. Меня он долго рассматривал, потом подвел к окну, чтобы лучше рассмотреть: “Как я рад, что в нашей семье оказалась такая красавица”. Увидя же, что я была в таком положении, он наставительно сказал: “Вы будете молодка – вы знаете, что значит молодка? Это значит, что у вас будет первый ребенок мальчик”».

Фотографии писатель дарил не только своим близким родственникам, но и совсем незнакомым людям. В коллекции петербургского музея хранится одна из таких фотографий с дарственной надписью Достоевского. Вот ее краткая история.

В последние годы жизни писатель особенно часто выступал на литературных чтениях. В 1879–1880 гг. только зарегистрированных выступлений Достоевского на благотворительных вечерах насчитывается четверть сотни. Он неоднократно читал в пользу Литературного фонда, Высших женских (Бестужевских) курсов, студентов

Кабинет Ф.М. Достоевского. Фотография В. Таубе. 1881

С.-Петербургского университета, а также Фребелевского общества, отделения несовершеннолетних Дома милосердия, Славянского благотворительного общества, недостаточных (то есть малообеспеченных) слушательниц Коломенской и Ларинской гимназий, Женских фельдшерских курсов, студентов Медико-хирургической академии и Технологического института, Общины сестер милосердия Святого Георгия и приюта Святой Ксении и др. Осенью 1880 г. Достоевский дважды выступал на Пушкинском литературном утре.

После одного из таких выступлений, 16 декабря 1880 г., в дом на Кузнечный пришли два неизвестных писателю студента юридического факультета столичного университета, Евстафий Федоров и Яков Сахар, первый – известный впоследствии литератор, журналист, печатавшийся под псевдонимами Чмыхов, Фита, Джек, Incognitenko и др., второй – будущий петербургский нотариус, прославившийся коллекцией автографов знаменитых деятелей литературы и искусства. Нам, к сожалению, неизвестно содержание их беседы с Достоевским, но, когда они уходили, писа-

Столовая

тель обоим молодым людям подарил по своей фотографии, сделав на каждой дарственную надпись. Одна из фотографий, подаренная Я.Ф. Сахару, ныне находится в частной коллекции в Германии, а вторая, принадлежавшая Е.С. Федорову-Чмыхову, была в 1970-е гг. подарена его потомками Литературно-мемориальному музею писателя в Ленинграде. Это фотография работы известного петербургского фотографа К.А. Шапиро. На ее лицевой стороне под изображением сделана надпись: «16 Декабря/80 г. Евстафию Савельевичу Федорову на память от Ф.М. Достоевского». Сегодня это одна из самых драгоценных реликвий музейной коллекции.

29 января 1881 г. Достоевский должен был выступать на литературном вечере, организованном Литературным фондом в память сорок четвертой годовщины со дня смерти Пушкина. Но выступлению этому не суждено было состояться.

Достоевский обычно работал по ночам, когда вся его семья засыпала и никто не мог потревожить писателя в его кабинете. Так было и в ночь с 25 на 26 января. «Утром, 26 января, Федор Михайлович встал, по обыкновению, в час дня, – вспоминала А.Г. Достоевская, – и когда я пришла в каби-

нет, то рассказал мне, что ночью с ним случилось маленькое происшествие: его вставка с пером упала на пол и закатилась под этажерку (а вставкой этой он очень дорожил, так как, кроме писания, она служила ему для набивки папирос); чтобы достать вставку, Федор Михайлович отодвинул этажерку. Очевидно, вещь была тяжелая, и Федору Михайловичу пришлось сделать усилие, от которого внезапно порвалась легочная артерия и пошла горлом кровь; но так как крови вышло незначительное количество, то муж не придал этому обстоятельству никакого значения...»

День проходил как обычно. Но к обеду в гости к Достоевским пришла сестра писателя, Вера Михайловна Иванова, приехавшая из Москвы. За столом между братом и сестрой произошел горячий спор по поводу дела наследства, оставшегося после богатой московской тетки Александры Куманиной. Писатель был крайне раздражен, и его «крупный разговор» с Верой Михайловной, как сообщает А.Г. Достоевская в одном из писем, закончился «почти ссорой». Это возбуждение роковым образом подействовало на самочувствие писателя, и вскоре после того, как его сестра ушла, у него произошло сильное кровотечение горлом.

Церковь Владимирской иконы Божией Матери.
Фотография К. Буллы. 1910–1913

Был вызван домашний врач семьи Достоевских Яков Борисович фон Бретцель. Во время осмотра и простукивания груди кровотечение повторилось, и писатель потерял сознание, а когда пришел в себя, выразил желание исповедоваться и причаститься, для чего из Владимирской церкви, прихожанином которой он был, пригласили священника – духовника Достоевского о. Николая Михайловича Вирославского...

Эта картина начала предсмертной болезни писателя воссоздана главным образом по свидетельствам его жены. Но биографы Достоевского выражают сомнение, что в действительности все было именно так, как рассказано выше. Дело в том, что параллельно описанным событиям в доме Р.Г. Клинокострем в Кузнечном переулке буквально в те же самые часы разворачивалась совсем другая история.

Как установлено исследователями, волею судьбы соседом Достоевских по лестничной площадке оказался один из руководителей исполкома террористической организации Народная воля, готовившей покушение на царя, Александр Баранников. 25 января 1881 г. он был арестован в доме своего товарища-ре-

◀ Предметы из мемориальной экспозиции: коробка из-под табака фирмы Лаферм и упаковка с лекарством из аптеки Ф. Гаммермана, находившиеся в кабинете Достоевского в день его смерти. Часы из семьи писателя, остановленные на времени кончины Достоевского

волюционера на Казанской улице. После серии допросов полиция установила его имя и место жительства. В ночь с 25 на 26 января под конвоем жандармов Баранников был приведен в дом на Кузнечном для проведения обыска. И именно в это время у Достоевского происходит первое кровотечение.

Обыск ничего не дал. Но на квартире Баранникова полиция оставила засаду, в которую на следующий день, 26 января, попадает еще один участник террористической организации – Николай Колодкевич. Арест Колодкевича произошел около четырех часов дня, и это время совпадает с временем повторного кровотечения у Достоевского. Синхронность приступов болезни и полицейских мероприятий в доме на Кузнечном наводит исследователей на мысль, что Достоевский мог знать о происходящем в соседней по лестничной площадке квартире и что эти события могут быть каким-то образом связаны между собой. Так это или нет, сегодня не знает никто.

Начавшаяся 26 января болезнь развивалась скоротечно, и через двое суток Достоевского не стало. Его одиннадцатилетняя дочь Лиля в этот вечер записала дрожащей рукой на доньшке коробки из-под табака фирмы «Лаферм», который курил отец: «28-го января 1881-го г. Сегодня умир папа, в 3 четверти 9-го» (коробочку эту с автографом Л.Ф. Достоевской можно увидеть в музейной экспозиции). Взрослый мемуарист зафиксировал время кончины писателя более точно: 8 часов 36 минут вечера.

В следующие два дня, когда гроб с телом Достоевского стоял в его кабинете и днем и вечером служились панихиды, в доме на Кузнечном, чтобы проститься с усопшим и помолиться о нем, перебивали многие сотни петербуржцев. В эти дни в квартире могли встретиться Великий князь Дмитрий Константинович и писатель-сатирик М.Е. Салтыков-Щедрин, гофмейстерина двора Великой княгини Александры Иосифовны А.Е. Комаровская и разночинная молодежь в потертых сюртуках и наброшенных на плечи пледрах... На панихидах иногда было столько народа, что, по воспоминанию мемуариста, «не только нельзя было пошевелиться, но трудно было дышать... свечи тухли от спертых воздуха», а горбатую, больную ногами и передвигавшуюся на костылях Е.А. Штакеншнейдер вынуждены были во время заупокойной службы, чтобы ее не затолкали, поставить на подоконник...

Утром 31 января состоялся перенос гроба с телом Достоевского в Свято-Духовскую церковь Александро-Невской лавры, где покойный провел последнюю ночь перед погребением. Момент выноса гроба из дома на Кузнечном зарисовал художник А. Бальдингер, и гравюра по его рисунку была в траурные дни воспроизведена в журналах «Огонек» и «Всемирная иллюстрация». Как сообщали газеты, первыми за ручки гроба взяли товарищи Достоевского еще с 1840-х гг. А.А. Плещеев и А.И. Пальм, вместе с которыми он когда-то стоял на эшафоте на Семеновском плацу. Когда все участники процессии заняли свои места, она

*Вынос гроба из дома на Кузнечном переулке.
Гравюра с рисунка А. Бальдингера*

растянулась от Кузнечного переулка до Невского проспекта. Гроб, сменяя друг друга, добровольцы три часа несли на руках до самой Александро-Невской лавры. В траурной процессии шло несколько десятков тысяч людей, несли семьдесят венков от разных обществ и учреждений. «Можно смело сказать, что до того времени никогда еще не бывало на Руси таких похорон», – писал биограф писателя Н.Н. Страхов.

Вскоре после смерти Достоевского его вдова пригласила в дом на Кузнечном фотографа Владимира Таубе, ателье которого находилось на Невском проспекте, близ Николаевского вокзала, и тот сделал несколько снимков в кабинете писателя, который сегодня воссоздан в музейной экспозиции точно по этим фотографиям. Но продолжать жить на старой квартире семье, лишившейся мужа и отца, было тяжело. И весной 1881 г. А.Г. Достоев-

Мемориальная доска на доме № 5/2 по Кузнечному переулку. Архитектор М.Ф. Егоров, скульптор Н.А. Соколов. Установлена в 1956 г.

ская с детьми уехали в Феодосию, чтобы по возможности ослабить груз тяжелых воспоминаний. В квартиру в Кузнечном переулке они больше не вернулись...

* * *

Этот простой, вполне обычный петербургский дом, не отличающийся архитектурными достоинствами, является сегодня одной из наиболее привлекательных достопримечательностей Петербурга благодаря тому, что здесь жил и умер Достоевский.

13 ноября 1971 г., к 150-летию со дня его рождения, в этом доме открылся Литературно-мемориальный музей Ф.М. Достоевского. Создание музея в последней квартире великого писателя было воспринято интеллигенцией Ленинграда как справедливое и давно ожидавшееся приношение его памяти. В Музее можно было не только осмотреть квартиру, где жил Достоевский, но и основательно познакомиться с его жизнью и творчеством, узнать о его взглядах на мир и на человека в этом мире. Духов-

Вход в Музей

Дом на углу Кузнечного переуллка и улицы Достоевского. Ленинград. 1929

ная, интеллектуальная потребность в таком знании, в постижении Достоевского через общение, свободную дискуссию были очень велики. Едва ли не с первых дней своего существования Музей стал особенно привлекательным местом для всех почитателей его творчества.

Создание музея Достоевского в Ленинграде-Петербурге имеет свою, уже весьма длительную историю. На протяжении 40 лет своего существования Музей жил и развивался в контексте определенного исторического времени. И даже сам факт его появления – это тоже знак времени. Как по-разному и часто противоречиво трактовали творчество писателя критики в разные десятилетия нашей истории, от 1880-х гг. и вплоть до наших дней, так же

непросто решался и вопрос о сохранении памятных мест, связанных с жизнью Достоевского. В истории Музея, в его судьбе важную роль играли время и люди, которые так или иначе были связаны с ним.

Еще в дореволюционной русской печати появлялись заметки, в которых говорилось о необходимости отметить этот дом памятной доской и открыть здесь музей, посвященный жизни и творчеству великого писателя. Так, например, на эту тему в газете «Новое время», в номере от 5 апреля за 1909 г., было помещено Письмо в редакцию. Тогда же, в 1909 г., по решению Городской думы, здесь была установлена первая мемориальная доска. Текст ее гласил: «В этом доме жил и скончался в 1881 году Федор Михайлович Достоевский». Доска, расположенная

на уровне третьего этажа, отчетливо видна на фотографии дома, сделанной в 1929 году по заказу открытого годом ранее Музея-квартиры Ф.М. Достоевского в Москве. Новая мемориальная доска на месте старой была установлена в 1956 году. Она и в настоящее время остается на своем месте.

Что же касается создания Музея в последней квартире Достоевского, то к решению этой проблемы подойти было нелегко по разным причинам. Начнем с того, что уже в конце XIX в. квартира писателя утратила тот облик, который существовал при его жизни. Здесь жили другие люди, квартира подвергалась перепланировкам. Но если установить первоначальный план можно было по архивным документам, что и было сделано впоследствии при создании Музея, то сложнее обстояло дело с подлинными предметами, без которых трудно представить мемориальный музей. Предметы, населявшие некогда квартиру семьи Достоевских, практически не сохранились. Почему так произошло? Ведь, например, Хамовнический дом со всем, что там находилось, а также усадьба «Ясная Поляна» и в послереволюционные годы оставались во многом такими, какими их покинул Л. Толстой. Причина – в том образе жизни, сопряженном со многими переездами с квартиры на квартиру, какую вел Достоевский, не имевший собственного дома.

Весной 1917 года вдова писателя Анна Григорьевна Достоевская покинула Петроград, отправившись в свое имение на берегу Черного моря, а затем переехала в Ялту. Там, на юге, ее застала революция. Возвращение в Петроград было крайне затруднительным. Возникли серьезные проблемы с имуществом, со здоровьем. В 1918 г. она умерла в полном одиночестве, вдали от детей и внуков. Вся мебель, предметы, находившиеся некогда в доме, где жил Достоевский, еще в 1913 г. были сданы на хранение в один из ломбардных складов, когда Анна Григорьевна переехала из Петрограда в Сестрорецкий курорт, чтобы спокойно работать там над своими мемуарами. После революции материалы драгоценного архива, за некоторыми исключениями, попали в государственные хранилища, а все вещи с этого склада пропали. Их следы изучал в архивах первый директор Музея Б.В. Федоренко, и ему удалось найти книжный шкаф Достоевского, который стоит теперь в его кабинете.

Послереволюционные годы были неблагоприятны для памяти Достоевского. Трагический художественный мир писателя, его общественные и религиозные убеждения не совмещались с советской идеологией, хотя официально он был признан классиком. В эти годы трудно было представить, что возможно создание музея в доме, где он жил.

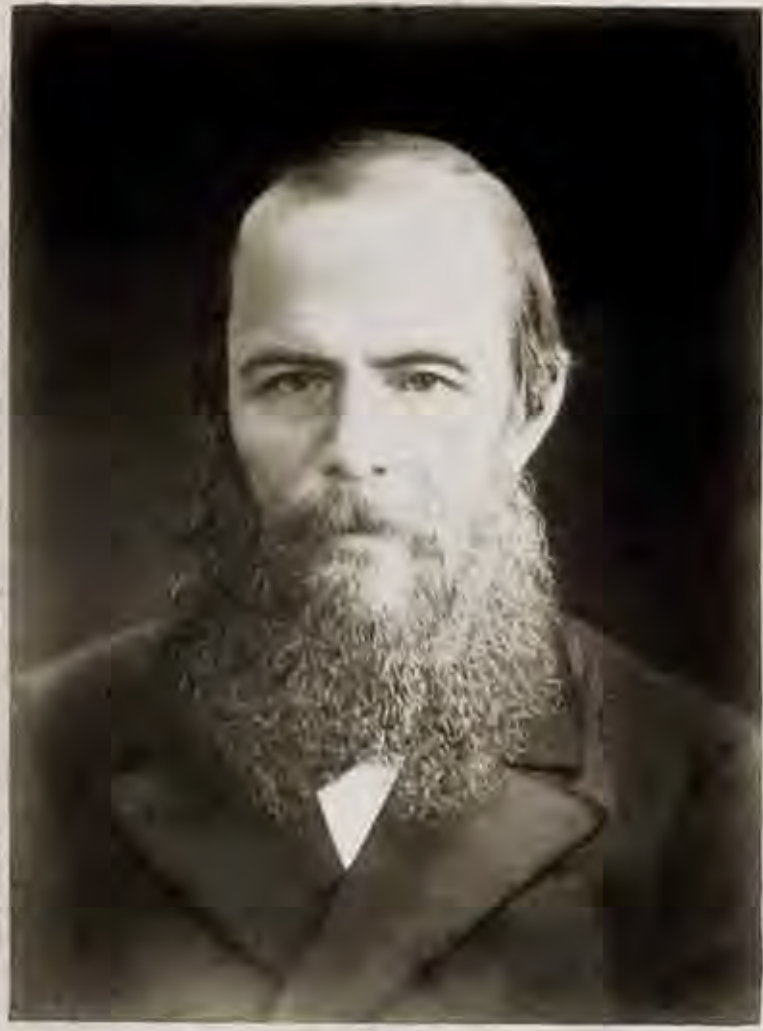
Конечно, можно вспомнить, что в 1928 г. в Москве на Божедомке, во флигеле Мариинской больницы для бедных, был открыт Музей Достоевского. Однако в этом есть определенная логика и закономерность времени: московский музей был посвящен ранним годам Достоевского, здесь он родился, здесь прошли детские годы будущего певца «униженных и оскорбленных». Именно в таком качестве Достоевский был тогда принят в семью классиков русской литературы. Но автор «Бесов», «Дневника писателя», «Братьев Карамазовых», великий художник и религиозный мыслитель, каким его признали русские читатели еще при жизни, был неудобен и даже, с точки зрения власти, крайне нежелателен для советского читателя. И если прямого запрета не было, то и пропагандировать его творчество, открывать музей, который неизбежно должен был показать позднего Достоевского, не соответствовало позиции властей по отношению к его наследию. Однако в 1950–1960-е годы известные писатели и ученые Д.С. Лихачев, Г.М. Фридендер, Д.А. Гранин, внук писателя А.Ф. Достоевский и другие напоминали в печати о необходимости создания музея в городе, где прошли многие годы жизни Достоевского.

1971 год по решению ЮНЕСКО был объявлен годом Достоевского. Международное значение юбилея великого писателя, признанного во всем мире, не могло остаться без должного внимания на его родине. В Институте русской литературы (Пушкинский дом) под руководством Г.М. Фридендера началась подготовка к изданию академического Полного собрания сочинений Достоевского в 30-ти томах.

Именно в этот период возрождения общественного интереса к Достоевскому появилась наконец возможность создать Музей в его последней квартире. В 1968 г. Исполком Ленгорсовета принял решение об открытии Литературно-мемориального музея Ф.М. Достоевского в Ленинграде, в доме в Кузнечном переулке (Решение № 24 от 11 января 1968 г.). Дом поставили на капитальный ремонт. В советские годы здесь были обычные коммунальные квартиры. Трудно было даже представить себе, что на этом месте, где практически не осталось никаких следов жизни писателя, возможно создание Музея. Поначалу речь шла о восстановлении малой части квартиры, но победила другая концепция, которая предусматривала не только полное восстановление квартиры, но и создание большой литературной экспозиции и зала для лекций и показа спектаклей и фильмов.

Однако при таком размахе планов у будущего музея не было решительно никаких экспонатов, не было поначалу даже никакого, хотя бы само-

ГОРЬЧЕВА ТУЛАРСКА
ПРИКАЗЪ АНТИКОПИИ СЪВЪЩА АРХИТЕКТУРА

*Съхранено отъ Константинъ Шайковъ
Въ Москва 1879 г.*

Съхранено отъ Константинъ Шайковъ,
Въ Москва 1879 г.

PHOTOGRAPHIE de CONSTANTIN CHAYKOV,
Photographe de Novosky N° 55

го маленького помещения, где первый директор Борис Варфоломеевич Федоренко и первые научные сотрудники, принятые на работу в начале 1969 года, могли бы начать работу.

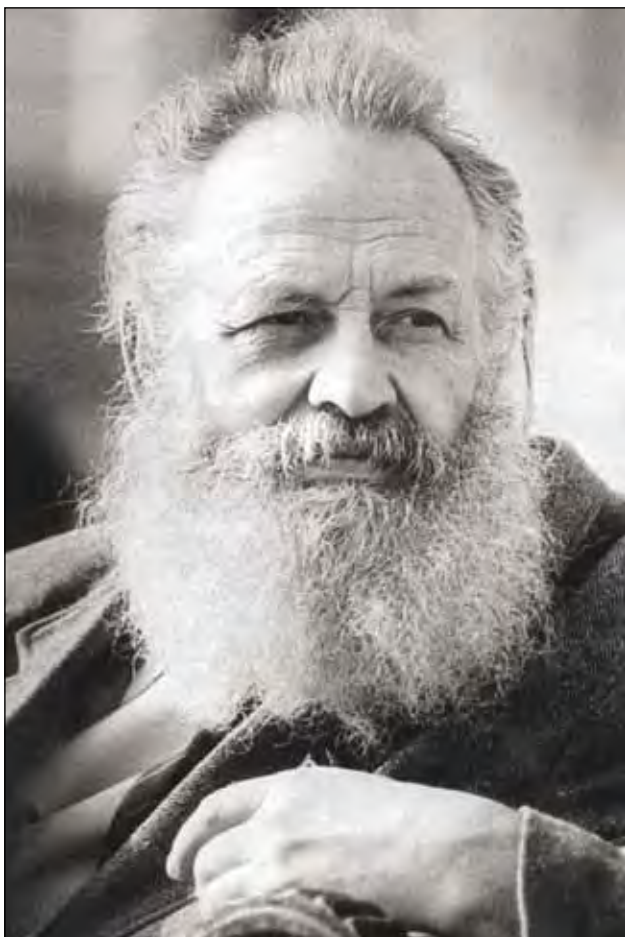
Архитектурный проект будущего Музея был поручен НИИ «Гипротейтр». Архитектором стал Георгий Владимирович Пионтек, творческий человек, немного чудака и поэт в душе. Для работы над художественным проектом была приглашена Татьяна

Николаевна Воронихина, к тому времени она была уже очень известным музейным художником.

За этот короткий и бурный период – два года и 10 месяцев – буквально с нуля был создан Музей. В 1969 году сотрудникам будущего музея выделили временное помещение – неприглядный и темный подвал на ул. Марата, неподалеку от основного здания, стоявшего на капитальном ремонте в виде коробки с зияющими окнами и пролетами

М. Шемякин. Свидригайлов и Соня. Иллюстрация к роману Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание». 1965

Г.В. Пионтек, автор архитектурного проекта Музея Ф.М. Достоевского

этажей. Именно в этот подвал, получивший рабочее название «Музей», стали поступать первые экспонаты: книги, работы художников, иллюстрировавших произведения Достоевского, предметы быта, мебель. Сюда приходили самые разные люди: букинисты, коллекционеры, частные лица, которые хотели что-то подарить будущему Музею – многие из этих первых даров были включены в экспозицию. Заходили в подвал знакомые, друзья по университету, поэты и писатели, которых тогда мало кто знал и которые сами не знали в то время, какая им предстоит слава и судьба. Среди тех, кто бывал в музейном подвале, можно назвать Сергея Довлатова, Виктора Кривулина, Льва Васильева, Андрея Арьева, Сергея Стратановского и др. С первых шагов своего существования Музей стал притягательным для дружеского литературного общения. Этот странный подвал, плохо вязавшийся с представлением о музее, вспоминал В. Кривулин: «В сотрудниках грядущего музея оказалось много моих знакомых – филологов и поэтов. Филологи трудились над экспозиционными планами, а поэты сторожили подвал или в качестве разнорабочих что-то куда-то таскали. Обстановка была трогательно домашней...».

Общественный интерес к будущему музею был весьма ощутимым. Он подтверждал давно назревшую необходимость его появления. Своим возникновением Музей заполнял некую пустоту, органично устанавливая связь между Достоевским и живым литературным процессом. Не случайно впоследствии при Музее Ф.М. Достоевского возник «Клуб-81», объединивший писателей и поэтов андеграунда («второй культурной действительности»). Само понятие литературного «андеграунда» перекликалось с «подпольем» Достоевского, напоминало о его «подпольном» герое, а также немного о том подвале, который был покинут, как только стало возможно перебраться в основное здание Музея, но навсегда остался своеобразной вехой в истории Музея.

Мемориальная квартира была восстановлена по архивным планам дома и по воспоминаниям современников Достоевского. Кабинет писателя, как уже упоминалось, был воссоздан по фотографиям В. Таубе. Оформление мемориальной квартиры стало предметом долгих дискуссий. Воссоздать ее буквально такой, какой она была при жизни Достоевского, не представлялось возможным: мемориальные предметы писателя сохранились в очень небольшом количестве. Некоторые из них были переданы новому музею из собраний

Д.А. Гранин

Государственного литературного музея и из Пушкинского Дома. Это были бесценные экспонаты, но их было недостаточно. Именно поэтому решили не стремиться в полноте воссоздать типовую квартиру, которая не имела бы ничего общего с той, в которой жила семья Достоевских, но, воспользовавшись всеми имеющимися сведениями, подчас очень скудными, дать живое представление о том, как они жили, дать почувствовать присутствие личности самого писателя с его отношением к семье, вкусам, привычками, а главное – с его напряженной творческой работой.

Большой вклад в создание Музея внес внук писателя Андрей Федорович Достоевский (1908–1968), собравший ценную коллекцию, посвященную памяти его знаменитого деда. Ему не довелось дожить до дня открытия Музея, о котором он мечтал. Однако решение о создании Музея Достоевского было принято еще при его жизни, и Андрей Федорович завещал будущему Музею свою коллекцию, ставшую его основой. Некоторые предметы из семейного собрания передали

в Музей правнуки писателя Д.А. и Т.А. Достоевские (бюро, шкафчик и др.) – теперь эти предметы находятся в экспозиции мемориальной квартиры.

Семейные реликвии также передала в Музей внучатая племянница Достоевского Мария Владимировна Савостьянова (1894–1982), внучка младшего брата писателя Андрея Михайловича. Наиболее ценные материалы этого собрания также находятся в музейной экспозиции.

Рядом с мемориальной квартирой была открыта литературная экспозиция, посвященная жизни и творчеству Достоевского. В долгих обсуждениях и спорах, в содержательных и глубоких беседах с Т.Н. Воронихиной о том, какой виделась эта экспозиция сотрудникам Музея и ей как художнику, разрабатывались принципы представления экспонатов, создавалась цельная концепция Музея, формировался его образ.

Первая литературная экспозиция, просуществовавшая почти четверть века, была результатом глубоко продуманного синтеза научного и художественного постижения творческого мира

Достоевского. В работе над этой экспозицией приходилось преодолевать трудности идеологического характера. Сложно было, например, решить тот узел экспозиции, который был посвящен роману «Бесы». В разделе «Достоевский и современность» невозможно было показать отражение Достоевского в критике рубежа веков, так как здесь нельзя было обойтись без упоминания русских религиозных философов, живших после революции в эмиграции (Д. Мережковский, Н. Бердяев, С. Булгаков и др.). Их имена тогда позволено было произносить только в сопровождении отрицательных эпитетов. Сложную проблему представляло экспонирование иконы Достоевского (одного из немногих сохранившихся мемориальных предметов) в кабинете писателя. Все это могло быть квалифицировано как пропаганда реакционной идеологии и религии. Сегодня такие трудности могут показаться нелепыми, но в те годы все превращалось в нешуточное препятствие и грозило искажением правды о писателе. Эти проблемы требовали какого-то оптимального решения, которое давало бы посетителю правдивое представление о Достоевском и не вызвало бы нежелательного внимания к Музею со стороны идеологических кураторов.

Оформление, предложенное Т.Н. Воронихиной, – панно с изображениями очертаний Петербурга Достоевского, лаконичные и выразительные приемы, по-

Фрагмент литературной экспозиции начала 1970-х гг.

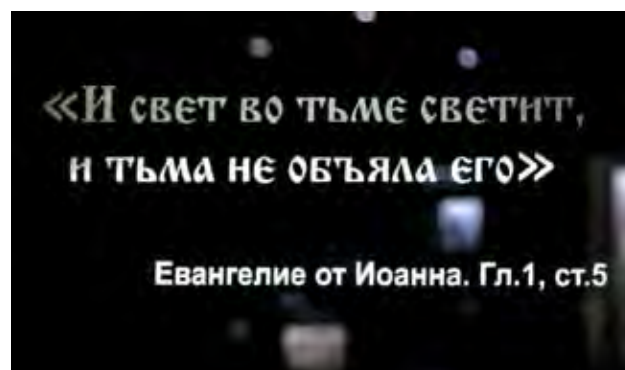

Современная литературная экспозиция. 2009

звоявшие ощутить атмосферу романов (например, условный образ «каморки Раскольникова») придавали литературной экспозиции образную цельность, сообщали нужное настроение. Помимо содержательных достоинств, литературная экспозиция Музея Достоевского начала 1970-х гг. представляла собой значительное достижение в области музейного оформительского дела.

Однако неизбежно должен был наступить момент, когда ее следовало заменить. Менялись времена, развивалось музейное дело, менялись художественные вкусы – все это требовало поиска новых решений. Музей должен развиваться, жить в согласии с запросами времени, быть привлекательным для посетителей, особенно для молодежи. И если мемориальная квартира остается неизменной, то литературная экспозиция должна меняться: необходимо вносить дополнения в содержательную часть, находить новые средства выразительной подачи материала. В 1996 г. была открыта *вторая* литературная экспозиция, от первой она отличалась подчеркнутой театральностью приемов. Разделы строились на ключевых образах из произведений Достоевского, на поворотных моментах биографии писателя. Доминантным мотивом экспозиции был образ «Петербурга Достоевского» и в соответствии с ним было выстроено пространство залов (своды, пол, имитирующий мостовую, и др.).

В начале 2009 г. в Музее открылась *третья* литературная экспозиция, получившая совершенно новое образное решение. Жизнь и творчество Достоевского раскрываются здесь в своеобразном трехмерном измерении: биографический план (изображения на фронтальной части витрин, данные в светящихся «окнах»); творческий план (образы в глубине); значительная часть содержательного повествования подается через мониторы, помещенные за стеклами витрин. С помощью компьютерных технологий более глубоко раскрываются такие темы, как «Европейские скитания», «Храмы в жизни Достоевского». На мониторах, «утопленных» в глубине витрин, постоянно меняясь, выступают цитаты из произведений, дневников, писем Достоевского. С помощью интерактивной програм-

Эпиграф к литературной экспозиции. 2009

Фрагмент литературной экспозиции. 2009

мы, обратившись к сенсорному киоску, посетители самостоятельно знакомятся с более подробной биографией писателя. Залы экспозиции легко трансформируются в удобный кинозал для кинопоказов или лекций, требующих видеосопровождения.

Концепция Музея с первых шагов его существования предполагала, что он станет центром по изучению жизни и творчества Достоевского. Начиная с 1975 г. каждый год в ноябре в Музее проходят научные конференции «Достоевский и мировая культура», приуроченные ко дню рождения писателя. Они сразу стали событием в интеллектуальной жизни Ленинграда, участвовать в них охотно соглашались крупные исследователи творчества Достоевского, философы, филологи разных научных направлений. Общая атмосфера первых конференций была особенно приподнятой. Для многих Музей в эти дни становился местом, где можно свободно обменяться мыслями, найти отклик своим идеям, сомнениям, надеждам. Не так много было таких мест в Ленинграде в «застойные» 1970-е годы. В это время отечественная филологическая наука, изучение русской литературы приобрели особое общественное значение, и эта черта времени отчетливо проявилась во время музейных научных конференций. Доклады Г.С. Померан-

ца, Л.З. Копелева, П.П. Гайдено, В.Вс. Иванова, Ю.Ф. Карякина, приглашенных к участию сотрудниками Музея, становились событиями, их обсуждали в кулуарах. Привлекали внимание личности докладчиков. Конференции в Музее приобрели репутацию свободных и интересных собраний, слишком свободных, по мнению начальства и специальных органов, курировавших идеологию.

Конференции «Достоевский и мировая культура» оказались жизнестойким начинанием. К настоящему времени их прошло уже тридцать шесть, и всегда оказывается много желающих принять в них участие, выступить с докладами. Время придает новые черты встречам последних лет, которые приобрели отчетливо выраженный международный характер. В их работе принимают участие ученые из Японии, Польши, Франции, Чехии, США, Канады, Румынии, Германии, Финляндии, Италии, Венгрии, Норвегии, Израиля, Великобритании и других стран. Существенно изменился спектр тем, в научных дискуссиях участвует новое поколение. Начиная с 1990-х годов появилось много исследований, посвященных религиозно-философской проблематике творчества Достоевского, его влиянию на литературу XX века, русскую и зарубежную. С 1993 года выхо-

Сцена из спектакля «Записки из Мертвого дома», поставленного в театре Музея с участием заключенных Колпинской воспитательной колонии (по проекту «Penal Reform International»). 2004

дят сборники «Достоевский и мировая культура», по большей части включающие в себя доклады, прочитанные на конференциях, а также публикации архивных документов и других материалов. Сборники поочередно издаются Московским отделением Общества Достоевского и Литературно-мемориальным музеем Достоевского в Петербурге. В 2005 году было положено начало серии «Библиотека альманаха “Достоевский и мировая культура”», в рамках которой вышли в свет книга японского исследователя Т. Киносита «Антропология и поэтика творчества Достоевского», полный научный комментарий к роману «Преступление и наказание» Б. Тихомирова³, драматическая фантазмагория Риты Клейман «Мышкин и Моисей, или Прибытие поезда», книга Н. Ашимбаевой «Достоевский. Контекст времени и творчества».

Заметным событием стал выпуск двух капитальных альбомов «Образ Достоевского в фотографии, живописи, графике, скульптуре» (2009) и «Образы Достоевского в книжной иллюстрации и станковой графике» (2011).

С начала 2000-х гг. в Музее среди проектов, направленных на привлечение посетителей, получила развитие театральная деятельность. В 2003 г. был реконструирован музейный зал, он стал настоя-

щим современным камерным театральным залом. Теперь здесь часто проходят показы спектаклей, созданных разными театрами по классическим и современным пьесам. Более чем за 10 лет появились спектакли, созданные непосредственно в Музее Достоевского, вокруг которого сложился творческий коллектив – «ФМД Театр», работающий в содружестве с другими театрами. Многие спектакли этого коллектива получили признание публики и критики: «Нора» Г. Ибсена, «Преступление» (по роману «Преступление и наказание»), «Ибсен – Стриндберг» (история вражды двух выдающихся современников в переложении для сцены В. Бирон), «Сказки с акцентом» и другие спектакли. К настоящему времени театральная составляющая стала существенной частью жизни Музея.

Пройдут еще годы, и можно будет оценить все, что происходило и происходит в Музее, в перспективе времени. Появятся новые экспозиции и выставки, проекты, связанные с современными компьютерными технологиями, издательские программы, коллекции Музея пополнятся новыми экспонатами, может быть, найдутся подлинные предметы Достоевского, его бесценные рукописи. Музей развивается, многие события и проекты, которые состоятся в будущем, продолжат его историю.

³ Тихомиров Б. «Лазарь! Гряди вон»: Роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» в современном прочтении: книга-комментарий. СПб, 2005.

Д.С. Лихачев о Ф.М. Достоевском*

Миру идей и миру действительности несвойственна застылость и определенность. Отсюда неприязнь Достоевского к законченным мнениям и позициям, к отточенным определениям, к программным убеждениям и направлениям. Достоевский выступает против произведений искусства «с направлением» единственно потому, что это вредит самому же направлению: «Я ужасно боюсь “направления”, если оно овладевает молодым художником, особенно при начале его поприща; и как вы думаете, чего именно тут боюсь: а вот именно того, что цель-то направления не достигнется». Все это для него лишь «мундиры», ненавидеть которые он привык еще с тех времен, когда принужден был их носить сам или ходить под их командой. <...> Отсюда постоянное нежелание Достоевского высказываться до конца, связывать себя своими убеждениями, принципами, «позициями», «идейными программами» или примыканиями к каким-либо «направлениям». Отсюда же предпочтение эмоционального отношения к действительности перед интеллектуальным. Отсюда идеи-чувства – более свободные, чем идеи-мысли. <...>

(Из статьи «Достоевский в поисках реального и достоверного», 1970)

Произведения Достоевского похожи на аэродинамические установки, предназначенные для сложнейших испытаний. Все относительно, и все внешне, материально не зависит друг от друга. Поэтому динамические связи, в отличие от связей стабильных, приобретают особенное значение. Отсюда страстные поиски художественной композиции в творческом процессе Достоевского, при этом поиски настолько интенсивные и в таких глубоких сферах, что действующие лица могут кардинально менять свою сущность, как, например, Идиот в подготовительных материалах к одноименному роману. Композиция и создаваемые этой композицией сложные ситуации важнее даже, чем человеческие сущности, чем обычно понимаемая цельность психологии и характера.

В произведениях Достоевского надо всем главенствует активный познавательный процесс. <...>

Стиль Достоевского – это стиль, в котором ясно проступает стремление к стимулирующей мысли читателя незаконченности. Это стиль, рас-

считанный на то, чтобы провоцировать у читателя свои выводы, заключения и размышления. Достоевский недоговаривает, намекает, выражается как бы неточно и вместе с тем с какой-то поражающей утонченностью. Он заставляет читателя думать и делать свои выводы. <...>

Если под психологией разуместь науку, изучающую закономерности психической жизни человека, то Достоевский самый непсихологический писатель из всех существующих. Ему нужна не психология, а любая возможность освободиться от нее. Вот почему он уходит от психологии в психиатрию, обращается к душевным болезням. Но и психиатрия нужна Достоевскому только для того, чтобы открывать в психике человека некие алогизмы, странности, непоследовательности, открывать то, что не подчиняется существующим представлениям о психической жизни человека. Случилось так, что многое в его отрицании существующих законов психической жизни оказалось пророческим, предвосхитило научные выводы современной психологии и психиатрии, но это произошло потому, что Достоевский все же искал правдоподобия и в пределах правдоподобия смог выйти за пределы научных представлений своего времени, не нарушая какой-то основной правды психической жизни. Он расширил до колоссальных пределов представления о психической жизни человека, но остался вместе с тем в пределах правдоподобия. И это «свободное» правдоподобие в его предвидениях оказалось правдой. <...>

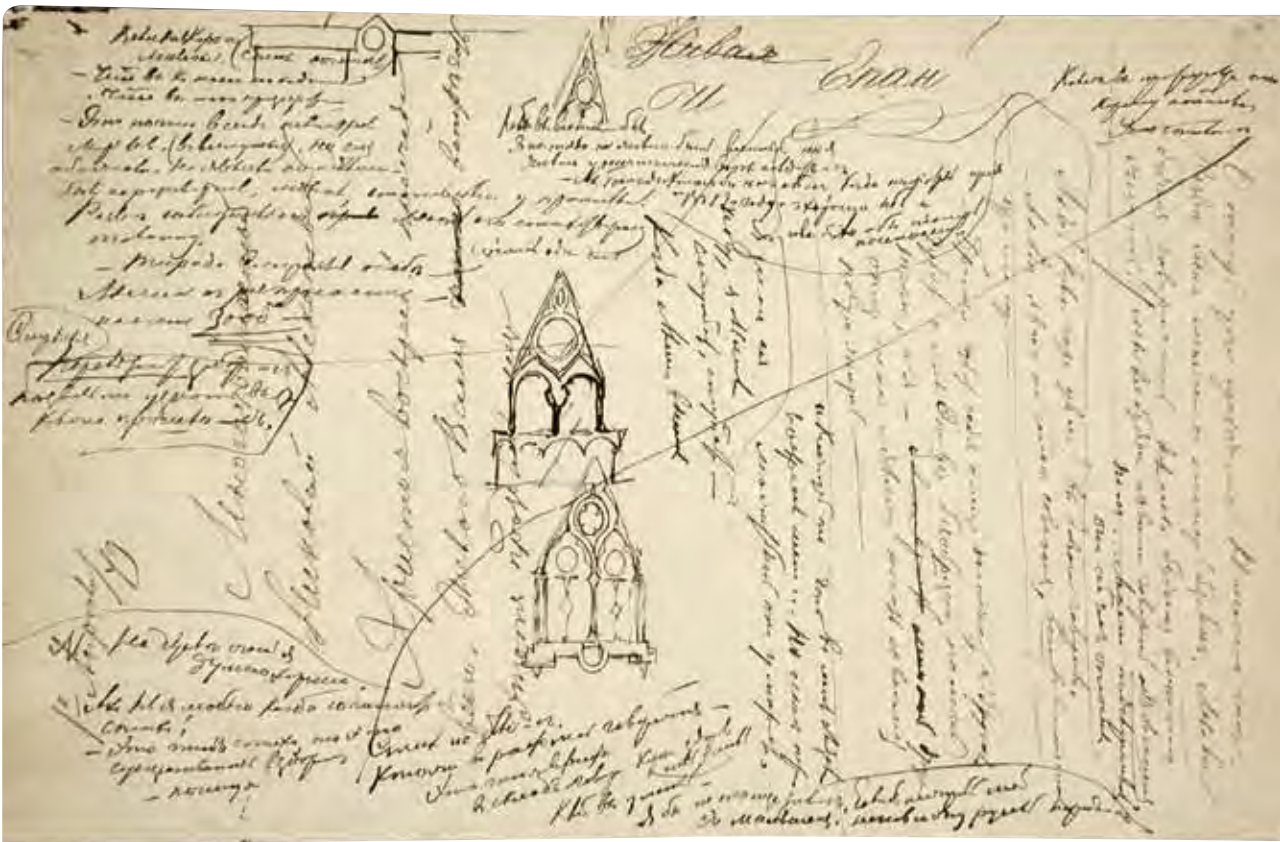
(Из статьи «Небрежение словом» у Достоевского», 1976)

«Готические окна» Достоевского

Как известно рукописи Достоевского испещрены виртуозно нарисованными им изображениями готических окон. Почему? Ответов на этот вопрос может быть несколько, и каждый ответ может быть в своем роде верен.

В Инженерном училище, где учился Достоевский, обучали истории архитектуры и различным архитектурным ордерам. Особое внимание уделялось готической архитектуре. Работая над своими произведениями, Достоевский подсознательно вспоминал уроки архитектуры, особенно когда искал ответы на возникавшие перед ним в процессе

* Цит. по: Лихачев Д.С. Избранные работы: В 3 т. Т. 3. Л.: 1987. С. 265–266, 273, 277, 287, 297, 298.

Листок с набросками к роману «Братья Карамазовы»

творчества вопросы построения форм – «построения», то есть архитектуры.

В эпоху, когда начинал жить и творить Достоевский, готика была любимым архитектурным стилем. Это была романтика в архитектуре. Достоевский-реалист был до известной степени и романтиком. Подсознательно влечение Достоевского к романтизму выражалось в его следовании архитектурным увлечениям эпохи (впоследствии историки архитектуры назовут это увлечение середины и второй половины XIX в. стилями прошлых эпох в архитектуре эклектизмом), особенно готике.

Доминирующая особенность готики – стремление к вертикали. Вертикаль характерна и для всего мировидения Достоевского. Верх и низ жизни, Бог и дьявол, добро и зло, постоянные устремления его героев снизу вверх, социальный разрез общества с его низами и «высшим светом», бездна и небо в душе героев – все это располагается по вертикали и может напоминать готическое построение того мира, который изображал Достоевский. Сам полифонизм творчества Достоевского несет в себе много общего с распределением массы собора на множество опор, тяг, контрфорсов.

Достоевский просто любит готику, преклоняясь перед ней (в «обожаниях» Достоевского был всегда элемент религиозный). Когда в своей первой поездке за границу в «погоне» за Сусловой он увидел Кельнский собор, от которого много ждал, он ему вовсе не понравился; в свой обратный проезд через Кельн, увидев собор во второй раз, он испытал как бы чувство вины перед ним, просил у собора прощения за то, что «не постиг в первый раз его красоту»¹. Рисуя окна Кельнского собора, Достоевский как бы каялся перед ним.

Можно было бы привести и еще разные соображения, почему Достоевский в минуты творческого раздумья «бессознательно» рисовал на страницах своих рукописей готические окна. Все предположения не противоречат друг другу. Объяснения этого – полифоничны, а следовательно, и однозначны (в своей теории полифонизма М. Бахтин² опустил добавить, что полифония только тогда подлинная полифония, а не хаос, с которым всегда активно борется искусство, когда она подчиняется законам музыки, гармонии, то есть в известной степени организована, подчинена единой структуре).

1984

¹ Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. в 30 т. Т. 5. М.: Наука, 1973. С. 48.

² См.: Бахтин М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1972.